

Знакомец

Жанр произведения: Фантастика

Произведение написал автор BookBox Олег Голобоков

Ссылка на публикацию

Дисклеймер: Чужой текст помечен как цитата. Цитата плагиатом не является. Цитируемая часть произведения не может рассматриваться как самостоятельное произведение. Публикуемое произведение не преследует материальной или иной выгоды.

Двери состава печально пшикнули и я оказался в полном одиночестве на перроне конечной станции метро. Пройдя мимо безразличного взгляда сотрудника правоохранительных органов; поднялся по заосененым ступенькам и двинулся шуршащей алеей небольшого скверика. Фонари вот-вот должны были зажечься.

Хотя какое к чёрту метро и какой скверик в нашем городке с неполным десятитысячным населением. Просто картинку о том, что произойдёт без метро как-то не получилось сложить. Ведь вышел из «откуда-то» и прошёл по улице имени кого-то как-то простовато. Нужен явный переход от бешеного темпа жизни к умиротворению. Тем более весь наш городок – сплошной небольшой скверик, с поправкой на десять тысяч человек. И где тут взять контраст? Так что будем считать, что вышел из метро …

Ноги автоматически сгребали шуршащую листву, а мысли витали как-то совсем уж сами по себе. Осень. Осень именно в той поре, когда ещё не грязно и промозгло, а «унылая пора, очей очарованье». Ну и дальше по тексту.

В конце аллеи стояла лавочка. Так себе лавочка, старенькая, не очень удобная. Но у неё был один плюс – она была графична. Графична в том смысле, что просто просилась в карандашный рисунок: сумерки, фонарь, который пока отбрасывает неясную тень и только обещает кружок света под собой. Деревья и кустарник – фоном, без чётко очерченных листьев и веток. И вот на этой самой лавочке как-то сам-собой прорисовался силуэт. Что-то в этом силуэте было не сегодняшнее, забытое. Может быть шляпа, скорее котелок, чем просто шляпа. Может трость с набалдашником. Может бородка клинышком, такую уже давно никто не носит. Может два печально поблёскивающих стёклышка над переносицей … И этих «может» можно перечислить ещё с десяток.

Но, самое удивительное, это был знакомец. «Знакомец» – по аналогии с «незнакомец». Знакомец, человек, которого вы просто знаете. Нет, вы не друзья, и ранее вы не встречались, тем более не общались. «Вы не были представлены друг-другу», выражаясь старинным высокопарным штилем. Но вы его знаете.

Я поравнялся с лавочкой и притормозил. Складывалась очень любопытная ситуация. Знакомец сидел так, что положение его тела и взгляд сквозь стёклышки можно было растолковать, как приглашение присесть. Я молча поинтересовался, так ли это? Он кивнул выражением лица, и я опустился на чуть влажные от вечера брусья старозелёного цвета.

Помолчали.

- Вы, наверное, литератор? - поинтересовался Знакомец.

Я задумался. А действительно кто я? Какое отношение я имею к цеху поэтов и писателей? И имею ли я этому отношение вообще? Наверное, мой растерянный вид вынудил знакомца уточнить его вопрос.

- По вашему виду я почему-то подумал, что Вы пишите. Я здесь – Знакомец неопределённо обвёл тростью вокруг – не на долго. Хотя место и время интересные.

Он элегантно достал «Брегет» на цепочке из кармашка жилетки, мельком взглянул, и продолжил.

- Вообще-то у меня множество вопросов про «здесь и теперь» которое я очень хотел бы адресовать Вам. Но мне хотелось бы получить, в первую очередь, ответы на … - Он задумался. – А может Вы сами расскажете? При этом имейте в виду, что, ей Богу, я просто не знаю где и когда я …

Судя по одежде, мода конца восемнадцатого начала девятнадцатого века, и, если происходящее не прикол, то это страшно усложняло ответ. Однако Знакомец всем своим видом вселял такую уверенность в способности понять самое непонятно, что я решил «не тормозить». В общем меня понесло, сам не знаю почему.

Я вдруг высказал всё, о чём давно хотел кому-нибудь высказать. Нет, не для спора, не для «доказать собеседнику», а просто делясь мыслью продумывая её ещё раз, но на этот раз продумать её, мысль, уже вслух.

Во-первых, - начал я, - в наше время литератором может стать любой. Здесь под понятием «литератор» я подразумеваю любого, кто хочет довести до читателей (слушателей, зрителей) свою мысль. Или отсутствие таковой. И так хочет, аж невтерпёж.

Во – вторых. … - я призадумался - . В общем слушайте всё подряд, без ранжирования по важности и значимости.

Итак – сторона материальная. Не так много современных пишущих, я сознательно избегаю слова писатель, мечтают на этом заработать деньги. Нет, если попрёт, то почему бы и нет? Но ведь надо учиться … А времени нет. Если куча бабла, это сейчас так про деньги, то проще нанять готового писаку и предложить ему мысль. А он, за деньги, конечно, худо-бедно её доведёт до ума в виде произведения современной литературы. Сами же можете заняться серьёзными делами: шопинг, тусовки, клубление. Мало ли у человека серьёзных дел? Если бабла нет – его надо зарабатывать. То есть у вас должна быть работа, в идеале хорошо оплачиваемая. А литературные старания – как пойдёт. Ну а

если пошло см. пункт первый.

Вариант второй. Internet. Объяснять долго, но это, в нашем случае, место, где каждый может выложить себя на всеобщее обозрение. В любом виде. Можно презентовать себя как писатель, например. Презентовать – это как бы «сделать вид», если даже ты этим самым писателем не являешься. И разместить, бесплатно естественно, в общедоступной библиотеке. Денег за это ноль, славы – как правило, аналогично. Но можно потешить самолюбие. Из очевидных плюсов – ты знаешь, сколько человек тебе прочитало. Ведь купил книгу и прочитал книгу – не одно и тоже. Из минусов, могут просто стащить мысль, но это полбеды, могут просто не заметить. А вот это грустно.

Знакомец грустно улыбнулся и положил на колени потёртый кожаный портфель. Замок мягко щёлкнул и в его руках оказалась небольшая пачка бумаги, аккуратно перевязанная шпагатом.

- Я примерно так и предполагал. – Он протянул мне пачку. – Разместите в Вашей библиотеке. Мне просто любопытно, сколько человек меня прочитает. А того больше, может что ещё и скажут. Даст Бог, я к Вам ещё загляну.

Знакомец неожиданно легко поднялся, приподнял котелок, в знак прощания, и растворился в сумерках.

До дома я добрался в каком-то полуобморочном состоянии. Произошедшее никак не укладывалось в голове. И только пачка бумаги, перетянутая шпагатом, служила веским доводом, что если я и тронулся, до не до конца.

Сев за компьютер и включив его на автомате, я начал лихорадочно перебирать рукопись. А это была именно рукопись! Почерк был ровный и абсолютно понятен. Я погрузился в чтение.

Спустя пару минут три события произошли практически одновременно. Первое – я понял, что уже это читал, и даже вдруг понял, с кем я имел честь буквально только-только общаться. Второе, листы на глазах желтели и некоторые начинали рассыпаться. «Возраст». Единственная мысль, пришедшая в голову. И третье, я начал набирать текст. Именно набирать. Я не то, что знал, я был уверен, что могу этот текст содрать в сети. Но сама мысли показалась мне кощунственной. И чем быстрее сыпались листы, тем активнее звучала дробь герконовой клавиатуры: ну нравится мне она.

ВАЖНО! ЦИТАТА (хоть и очень большая):

« … в губернском городе С. приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни, то местные жители, как бы оправдываясь, говорили, что, напротив, в С. очень хорошо, что в С. есть библиотека, театр, клуб, бывают балы, что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи, с которыми можно завести знакомства. И указывали на семью Туркиных как на самую образованную и талантливую. Эта семья жила на главной улице, возле губернатора, в собственном доме. Сам Туркин, Иван Петрович, полный, красивый брюнет с бакенами, устраивал любительские спектакли с благотворительною целью, сам играл старых генералов и при этом кашлял очень смешно. Он знал много анекдотов, шарад, поговорок, любил шутить и острить, и всегда у него было такое выражение, что нельзя было понять, шутит он или говорит серьезно. Жена его, Вера Иосифовна, худощавая, миловидная дама в pince-nez, писала повести и романы и охотно читала их вслух своим гостям. Дочь, Екатерина Ивановна, молодая девушка, играла на рояле. Одним словом, у каждого члена семьи был какой-нибудь свой талант. Туркины принимали гостей радушно и показывали им свои таланты весело, с сердечной простотой. В их большом каменном доме было просторно и летом прохладно, половина окон выходила в старый тенистый сад, где весной пели соловьи; когда в доме сидели гости, то в кухне стучали ножами, во дворе пахло жареным луком — и это всякий раз предвещало обильный и вкусный ужин. И доктору Старцеву, Дмитрию Ионычу, когда он был только что назначен земским врачом и поселился в Дялиже, в девяти верстах от С., тоже говорили, что ему, как интеллигентному человеку, необходимо познакомиться с Туркиными. Как-то зимой на улице его представили Ивану Петровичу; поговорили о погоде, о театре, о холере, последовало приглашение. Весной, в праздник — это было Вознесение, — после приема больных, Старцев отправился в город, чтобы развлечься немножко и кстати купить себе кое-что. Он шел пешком, не спеша (своих лошадей у него еще не было), и всё время напевал:

Когда еще я не пил слез из чаши бытия...

В городе он пообедал, погулял в саду, потом как-то само собой пришло ему на память приглашение Ивана Петровича, и он решил сходить к Туркиным, посмотреть, что это за люди.— Здравствуйте пожалуйста, — сказал Иван Петрович, встречая его на крыльце. — Очень, очень рад видеть такого приятного гостя. Пойдемте, я представлю вас своей благоверной. Я говорю ему, Верочка, — продолжал он, представляя доктора жене, — я ему говорю, что он не имеет никакого римского права сидеть у себя в больнице, он должен отдавать свой досуг обществу. Не правда ли, душенька?— Садитесь здесь, — говорила Вера Иосифовна, сажая гостя возле себя. — Вы можете ухаживать за мной. Мой муж ревнив, это Отелло, но ведь мы постараемся вести себя так, что он ничего не заметит.— Ах ты, цыпка, баловница... — нежно пробормотал Иван Петрович и

поцеловал ее в лоб. — Вы очень кстати пожаловали, — обратился он опять к гостю, — моя благоверная написала большинский роман и сегодня будет читать его вслух.— Жанчик, — сказала Вера Иосифовна мужу, — dites que l'on nous donne du th; 1.Старцеву представили Екатерину Ивановну, восемнадцатилетнюю девушку, очень похожую на мать, такую же худощавую и миловидную. Выражение у нее было еще детское и талия тонкая, нежная; и девственная, уже развитая грудь, красивая, здоровая, говорила о весне, настоящей весне. Потом пили чай с вареньем, с медом, с конфетами и с очень вкусными печеньями, которые таяли во рту. С наступлением вечера мало-помалу сходились гости, и к каждому из них Иван Петрович обращал свои смеющиеся глаза и говорил:— Здравствуйте пожалуйста. Потом все сидели в гостиной, с очень серьезными лицами, и Вера Иосифовна читала свой роман. Она начала так: «Мороз крепчал...» Окна были отворены настежь, слышно было, как на кухне стучали ножами, и доносился запах жареного лука... В мягких, глубоких креслах было покойно, огни мигали так ласково в сумерках гостиной; и теперь, в летний вечер, когда долетали с улицы голоса, смех и потягивало со двора сиренью, трудно было понять, как это крепчал мороз и как заходившее солнце освещало своими холодными лучами снежную равнину и путника, одиноко шедшего по дороге; Вера Иосифовна читала о том, как молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки и как она полюбила странствующего художника, — читала о том, чего никогда не бывает в жизни, и все-таки слушать было приятно, удобно, и в голову шли всё такие хорошие, покойные мысли, — не хотелось вставать.— Недурственно... — тихо проговорил Иван Петрович. А один из гостей, слушая и уносясь мыслями куда-то очень, очень далеко, сказал едва слышно:— Да... действительно...Прошел час, другой. В городском саду по соседству играл оркестр и пел хор песенников. Когда Вера Иосифовна закрыла свою тетрадь, то минут пять молчали и слушали «Лучинушку», которую пел хор, и эта песня передавала то, чего не было в романе и что бывает в жизни.— Вы печатаете свои произведения в журналах? — спросил у Веры Иосифовны Старцев.— Нет, — отвечала она, — я нигде не печатаю. Напишу и спрячу у себя в шкапу. Для чего печатать? — пояснила она. — Ведь мы имеем средства. И все почему-то вздохнули.— А теперь ты, Котик, сыграй что-нибудь, — сказал Иван Петрович дочери. Подняли у рояля крышку, раскрыли ноты, лежавшие ...».

Допечатав до последней не рассыпавшейся страницы, я вдруг подумал, а вдруг заглянет? И что я ему отвечу?

- Вас прочитали столько-то человек, или, никто никак не отреагировал на текст. Опять же или, отгрёб я за Вас. И опять же или, и никто ничего не попросил

передать …

Я смотрел в окно погружаясь в сумерки. В те самые сумерки, которые сложно определить по месту в сутках, то ли день закончился, толи только начинается. Ясно было одно – осень. И эта осень была во всём: в мороси, в листьях, в мокрых деревьях и в мыслях.